

денно, непременно победит, как только просвещение станет достоянием народа; он долго делал мечту «написать истинно полезную книгу для простого народа», а незадолго до смерти говорил: «Я всегда стоял за просвещение народное; но мне казалось, что еще прежде, чем просвещение самого народа, полезней просвещение тех, которые имеют ближайшие столкновения с народом, от которых часто терпит народ». Гоголь полон тайной веры в возможность появления в России просвещенного монарха, идеальный образ которого писатель дал в незаконченной драме «Альфред» (1835), а в реальной истории таким правителем ему представлялся Петр I. Единственно верным путем к процветанию страны и народа Гоголю казался путь мирных, медленных реформ и распространение просвещения, а идеи революционного переустройства общества были ему чужды, революционно-демократические воззрения Белинского и Герцена остались непонятны и даже враждебны.

Все это завело Гоголя в идейный тупик, толкнуло его на путь реакционного проповедничества в последнее десятилетие его жизни («Выбранные места из переписки с друзьями»), когда он, оторванный от родины и своего народа, очутился за границей в кружке мистически настроенных церковников и мажорных реакционеров. И крайне знаменательно, что как только обрывались живые нити, связывавшие Гоголя с родиной и питавшие его творчество соками народной жизни, в нем стал медленно угасать дар художника. Разумеется, Гоголь и за рубежом жил страстными думами о родине, о России: «Сказать правду, — писал он из Рима, — для меня давно уже мертво все, что окружает меня здесь, и глаза мои всего чаще смотрят только в Россию, и нет меры любви моей к ней».

Всезерной любовью к родной земле пропитана каждая строка бессмертных творений Гоголя. Его книги объективно заключают в себе глубокий революционный смысл, и невозможно переоценить громадного революционизирующего воздействия гоголевских произведений на сознание его современников и последующих поколений.

Белинский видел в Гоголе «одного из великих вождей» своей страны «на пути сознания, развития, прогресса», хотя в своем знаменитом письме к Гоголю, которое Ленин назвал «образцом бесцензурной демократической печати», тот же Белинский с негодованием отверг реакционные поучения Гоголя-моралиста.

С Гоголя-сатирика начинается эпоха безраздельного господства критического реализма, как единственно сильного и плодотворного направления в дооктябрьской демократической русской литературе. Крупнейшие мастера русского художественного слова — от Некрасова и Щедрина до Толстого и Чехова — шли вслед за Гоголем, углубляя традиции гоголевской критики существующего строя, гоголевского патриотизма и гуманизма. Созданные Гоголем художественные образы много раз использовались нашими вождями Лениным и Сталиным в их произведениях.

Огромны заслуги писателя-патриота Гоголя перед нашей Родиной. И мы, его далекие потомки и современники сталинской эпохи, хозяева и строители новой жизни, повторяем сегодня вещие слова о нем дорогого гениального сына нашей Родины — Чернышевского: «... Давно уж не было в мире писателя, который был бы так важен для своего народа, как Гоголь для России».

Через месяц советский народ отметит 100-летие со дня смерти Н. В. Гоголя, и это событие явится новым свидетельством горячей народной любви к гениальному сыну России, торжеством национальной культуры советского народа, занятого свиданием мирной счастливой жизни и неустанно борющегося за мир на земле. Многозначителен и знаменателен тот факт, что Всемирный Совет Мира принял решение отметить во всех странах столетие со дня смерти Н. В. Гоголя. Так имя одного из гениальных русских писателей в сознании прогрессивного человечества соединяется с самым дорогим для людей словом — мир. Сбылись слова гениального писателя-патриота: «Знаю, что мое имя после меня будет счастливей меня».